

К ВОПРОСУ ОБ ИЗБРАНИИ ШВЕДСКОГО КОРОЛЕВИЧА НА РУССКИЙ ПРЕСТОЛ И ПРЕБЫВАНИИ ШВЕДОВ В НОВГОРОДЕ: КОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ПРОБЛЕМЫ

Возведение на престол представителя иностранной династии было обычным явлением европейской истории, часто используемым способом выхода из кризисной ситуации в случае, когда у монарха отсутствовали прямые наследники. Уже в XVI в. обсуждались проекты русско-польской унии. Как указывает В. А. Аракчеев, ссылаясь на М. Блока, идея династической легитимности была развита гораздо сильнее идеи личной легитимности.¹ Это означало, что с прекращением династии на повестку дня вставал вопрос об избрании на престол представителя другого правящего дома, а не человека, который мог рассчитывать на власть, сумев вывести общество из кризиса, даже если он являлся выходцем из знатного рода.

При создании Российского централизованного государства во время правления Ивана IV верхушки княжеских родов старых русских княжеств были истреблены. Никто из представителей сохранившихся, уже не столь знатных родов не мог претендовать на получение власти в стране, что делало обращение к вопросу о передаче московского престола представителю иноземной династии тем более естественным.

Ситуация, когда ставился вопрос о том, что Россией будет править иностранец, по сути дела, впервые (после легендарного обращения к Рюрику) возникла в истории страны, освободившейся от остатков феодальной раздробленности. Хотя существенной причиной обращения к мысли об избрании царем иноземца было вступление на территорию страны польских войск и шведов (последних призвал на помощь Василий Шуйский), идея решить династическую проблему, передав престол представителю одного из правящих домов Европы, родилась в условиях начавшегося втягивания России в общеевропейский процесс. В то же время Русское государство оставалось у границ Европы, еще не став ее неотъемлемой частью.

К обсуждению возможности избрания иностранного королевича на русский престол непосредственно обратились после того, как в условиях кризиса Василий Шуйский не смог удержать власть. Согласно договору, подписанному русскими и поляками 17 августа 1610 г., московским царем должен был стать польский королевич Владислав. Реально власть в Москве получил С. Жолквский. Прежде чем был поставлен вопрос о том, что новым русским царем будет Владислав, польские войска были пущены в Москву. После вступления договора в силу московские бояре начали спешно подавать челобитные на имя польского короля, практически оказываясь под давлением иностранцев, которые могли

¹ Аракчеев В. Средневековый Псков: власть, общество, повседневная жизнь в XV—XVII вв. Псков, 2004. С. 224.

диктовать свою волю.² После этих событий в Подмосковном ополчении было выдвинуто предложение избрать самодержцем представителя шведской династии Ваза (уже в 1610 г. с целью обсуждения этой возможности ездил в Стокгольм С. Отрепьев).

В Европе Россия воспринималась как варварское государство, исповедующее православие, и именно поэтому европейские государства не торопились отправлять в Москву представителей своих династий, что стало очевидным в последующие годы.

В то же время, когда с началом Смуты на повестку дня был поставлен вопрос о возведении на престол человека другого вероисповедания, для русских также по и воле существенную роль начинали играть конфессиональные вопросы. Вопрос об отношении в России к представителям других вероисповеданий имел свою историю. К концу XVI в. традиционно жесткая позиция Православной церкви по отношению к протестантам и католикам принимает крайние формы. Очевидно, на конец XVI—XVII в. приходится появление чинопоследования, впервые в письменной форме оговаривающего принятие в русскую церковь западных христиан. Для католиков и протестантов предназначалось одно анафематствование и одно оглашение. В полемических текстах этого времени тоже почти все западное христианство (без различия на католиков и протестантов) объединялось. Но зачастую для русских богословов были не важны различия, существовавшими между католиками и протестантами. В основном господствовало представление об общем враге, лица, принадлежащие к другим конфессиям, практически приравнивались к русским еретикам. Создание этой редакции чинопоследования, по всей видимости, связано с именем казанского митрополита Гермогена.³

В условиях Смуты границы дозволенного существенно расширялись, хотя в конечном счете допустимое также имело определенный предел. Первоначально русское духовенство разрешило, чтобы Марина Мнишек, вступая в брак с Лжедмитрием I, была коронована, а потом приняла миропомазание. Таким образом патриарх Игнатий принял Марицу в православие миропомазанием, т. е. вторым чином. Этого требовал греческий канон и допускал русский. Однако в данном случае М. Мнишек и Лжедмитрий I воспринимали миропомазание как часть обряда коронации, а не как принятие православия. Лжедмитрий I и его жена отказались от причастия (что подчеркнуло, что она не расценила церемонию как переход в православие) и играли свадьбу фактически в соответствии с католическим обрядом. Московское общество этого не выдержало, вскоре последовала кровавая развязка.⁴

² О ситуации, сложившейся с поляками, см.: *Флоря Б. Н.* Прокопий Ляпунов и Сигизмунд III // *Славянский альманах*. 2000. М., 2001. С. 42—43.

³ *Опарина Т. А.* 1) Представления о христианстве других конфессий в России первой половины XVII в. // *Древняя Русь и Запад*: Науч. конф. Книга резюме. М., 1996. С. 160; 2) Иван Наседка и полемическое богословие киевской митрополии. Новосибирск, 1998. С. 61—62; 3) Странствующий фрагмент по истории Реформации в польской, украинской и русской традиции первой половины XVII в. // *Traduzione e riclaborazione nelle letterature di Polonia, Ucraina e Russia XVI—XVIII secolo*. Alessandria; Milan, 1999. С. 143—165.

⁴ *Успенский Б. А.* Царь и патриарх. Харизма власти в России (Византийская модель и ее русское переосмысление). М., 1998. С. 195.

В дальнейшем возникала несколько противоречивая ситуация. Наиболее консервативная часть общества, стремившаяся сохранить прежние порядки, нередко оказывалась в то же время достаточно либеральной и в плане сближения с Европой, т. е. возведения на престол иностранца, и в плане вопросов религии, допуская, что для представителя иностранной династии переход в другую веру может быть упрощен.

Новгородцы и оставшиеся там после взятия города шведами представители расколовшегося Подмосковного ополчения активно вели переговоры со шведами о том, чтобы стокгольмский королевич стал русским царем. Какую позицию в вопросе об избрании шведского королевича русским царем заняла церковь? Как к этому относилось новгородское общество при том, что новгородцам постоянно приходилось в той или иной форме иметь дело с находившимися в городе шведами? Как менялось отношение новгородцев к протестантам-шведам после того, как на русский престол в 1613 г. вступил Михаил Федорович, а Новгород продолжал оставаться под властью шведов?

Все эти вопросы настоятельно требуют специального рассмотрения, тем более что в литературе, если не говорить о периоде правления Лжедмитрия I, сложилась традиция рассматривать конфессиональные проблемы периода Смуты на основе памятников публицистики, относящихся к более позднему времени и не отражающих реальное состояние умов в условиях кризиса. Новгородский оккупационный архив, а также ряд других актов позволяют попытаться ответить на поставленные вопросы, опираясь на документы, которые непосредственно относятся к интересующему нас периоду.

* * *

В современной исторической литературе биография новгородского митрополита Исидора, являвшегося одним из проводников идеи избрания шведского королевича русским царем, побудительные мотивы действий новгородского владыки на первом этапе Смуты уже рассматривались В. Ульяновским. В январе 1605 г. митрополит распространял в пределах своей епархии грамоты о «расстриге» Гришке Отрепьеве. Однако затем Исидор короновал Лжедмитрия I. Митрополит Исидор вошел в состав его Боярской думы, принял участие в коронации Марины Мнишек. Но уже в 1606 г. митрополит возводил на престол Василия Шуйского. В. Ульяновский не находит никакого иного объяснения поведения митрополита, кроме как частичной информированности, которая заставляла Исидора менять точку зрения на происходящее. После того как митрополит не решился выступить с обличениями самозванца, он, как указывает тот же исследователь, был вынужден принять власть Лжедмитрия I как символ Божьей кары за грехи Бориса Годунова (что думал митрополит на самом деле, остается не ясным). В дальнейшем Исидор был упомянут на Освященном соборе 1634 г. Когда осудили митрополита Суздальского, беглеца из Польши, и фаворита Филарета Иосифа-Иезекииля Курцевича, было сказано, что «замыслил причинить не менее зла, чем треклятый Исидор митрополит и Игнатий патриарх (по-

следний играл главную роль при возведении Лжедмитрия I на престол. — Е. К.), которых соборная церковь проклиняет». В то же время если до появления Лжедмитрия II поведение новгородского владыки можно, хотя и с некоторыми натяжками, считать результатом отсутствия достаточно полных представлений о происходящих событиях,⁵ в дальнейшем, с расколом страны, Исидор оказался перед проблемой выбора, какой из сторон он должен отдать предпочтение.

В то время как патриарх Филарет перешел на сторону нового самозванца, Лжедмитрия II, после вступления на престол Василия Шуйского митрополит, вернувшись в Новгород, действовал заодно с присланным из Москвы кн. Н. И. Большим Одоевским. Видимо, новгородский митрополит активно поддержал его власть, включился в борьбу новгородцев с И. М. Салтыковым, которого правительство С. Жолкевского направило в Новгород, а в дальнейшем — в явном виде — содействовал установлению новгородцами связей с Подмосковным ополчением.

Оставшийся в плену у поляков Гермоген, исходя из того, что следует подчиняться уже установленной власти, был против того, чтобы поддерживать борьбу, которую вело Подмосковное ополчение. Когда новгородцы получили послание, написанное от имени Гермогена, они с благословения митрополита целовали крест, что будут бороться против поляков и Литвы.⁶ На основе, скорее всего, не сохранившихся до нашего времени источников Н. И. Костомаров указывал, что копии с грамот были направлены в города Новгородской и Псковской земель, в Псков, Ивангород, Порхов, Невель, Торпец, Ям, Заволочье, Копорье, Орешек, Ладугу, Устюжну, Тверь, Торжок.⁷ Подобные действия, которые, очевидно, были санкционированы Исидором, практически означали отход от идеологии, согласно которой нет власти, «аще от Бога»: оказавшись в Новгороде, он уже не был готов признать власть поляков как власть, посланную за грехи. Вполне возможно, Исидор в большей мере осознавал себя как политический деятель, а не как духовный пастырь. В то же время позиция митрополита принципиально отличалась от позиции Гермогена. Исидор, в достаточной мере убежденный в том, что Новгород является частью Русского государства, вместе с тем был готов действовать, осознавая свою власть как власть новгородского владыки. (В городе сохранялись традиции управления, восходящие ко времени независимости города, когда новгородский архиепископ возглавлял новгородский совет и был наделен правом принимать решения, касавшиеся светских дел, в том числе по дипломатическим вопросам.)

В дальнейшем согласно приговору Подмосковного ополчения от 30 июня (при том, что В. И. Бутурлин, возглавлявший посланные в Новгород войска Подмосковного ополчения, отвел их по договоренности с шведским главнокомандующим Я. Делагарди, что позволило шведам занять город), новгородцы заключили 25 июля 1611 г. договор с Я. Дела-

⁵ Ульяновский В. Смутное время. М., 2006. С. 213—215, 269.

⁶ Отписка новгородцев. Март 1611 г. // ААЭ. 1836. Т. 2. № 183. С. 313.

⁷ Костомаров Н. И. Смутное время Московского государства в начале XVII столетия. 1604—1613. М., 1994. С. 625.

гарди. Договор носил вынужденный характер, был заключен после того, как шведы заняли город, который фактически полностью подчинился их власти. Принесение прсяги шведам, подобно тому, как это было с русским духовенством в целом после коронации Лжедмитрия I, очевидно, привело Исидора к «временному успокоению».⁸ Как и после заключения договора 17 августа 1610 г., новгородцы сразу стали подавать челобитные на имя шведского королевича, который, как предполагалось, станет царем. Теперь шведы могли делать все, что им заблагорассудится.

Тем не менее шведы (в русских источниках их, как и других иностранцев, обычно называли «немцами») сохраняли традиционные новгородские институты, в том числе прерогативы церкви. С заключением договора со шведами владыка Господина Великого Новгорода, как и прежде, оставался владыкой. В новгородском документе от 25 июля, как и в московском соглашении, особое место занимали положения о неприкосновенности православного вероисповедания и отправлении богослужения. Шведы должны были не разрушать храмов и монастырей, не трогать духовенства, которое по-прежнему могло распоряжаться своими земельными владеньями и доходами.⁹

В свою очередь Исидор, подобно кн. И. Н. Одоевскому и новгородской правящей верхушке, видел в лице «немцев» защитников от поляков-католиков и «воровских людей». В сложившихся обстоятельствах под «воровскими людьми» подразумевались все те, кто в 1611 г., включая служилых людей, переходил на сторону псковского «вора», Лжедмитрия III. Вопрос о вероисповедании православных «изменников», против которых направляли свое оружие шведы, в условиях гражданской войны не ставился.

Послание, написанное новгородцами шведскому королю Карлу IX от лица митрополита Исидора и «всех чинов» 27 августа, если верить переводу, который сделал шведский хронист Ю. Видекинд, содержало фразу: «Тронутый нашими просьбами, ты проявил большую заботу о нашей религии...».¹⁰

В составленной новгородской администрацией наказной памяти П. Глогову и подьячему П. Карпу о сборе кормов от 10 августа 1611 г. — судя по всему, наиболее раннем документе этого рода — использовалась формула «сколко милосердый Бог помощи подаст».¹¹ В дальнейшем местное руководство так же настойчиво отмечало заинтересованность новгородцев в пребывании шведов: «А немецкие ратные люди идут на

⁸ Ульяновский В. Смутное время. С. 211.

⁹ Перевод текста договора, русский оригинал которого не сохранился, приводит шведский хронист Ю. Видекинд (*Видекинд Ю. История шведско-московитской войны XVII века*. М., 2000. Кн. 5. Гл. 12. С. 180).

¹⁰ Там же. Кн. 6. Гл. 8. С. 203.

¹¹ Наказная память П. Глогову и подьячему П. Карпу. 10 августа 1611 г. // ГАРФ, КМФ-9, Швеция, ЗА-55, № 168 (171). См. также: *Кобзарева Е. И.* Новый документ к истории утверждения в Новгороде шведской власти в 1611 г. // *Прошлое Новгорода и Новгородской земли: Материалы науч. конф.* 13—15 ноября 2000 г. Великий Новгород, 2000. Ч. 1. С. 162—166.

врагов для крестьянского ж покою, чтоб православном крестьяном быти в тиши и покое».¹² Речь шла о Боге, общем для всех христиан, хотя в принципе в условиях существования стабильного Русского государства первой половины XVII в. тех же протестантов изобличали как «неверных», и мы с трудом можем представить подобного рода обращение к высшему божеству.

Наблюдалось изменение традиционных представлений, то, что происходило и в Москве с приходом к власти Лжедмитрия I. Православная новгородская церковь не столь ревностно, как прежде, блюла чистоту своих нравов. Новгородцы исходили из прагматических расчетов, прикрываясь фразой о защите христианства и при этом оправдывая сотрудничество со шведами. Идея, что шведы избавят христиан от неверных – польских католиков, а вместе с тем от «воровских людей», православных казаков, очевидно, нашла отклик какой-то части духовенства.

Сами же шведы, говоря о своей готовности защитить православную веру, Я. Делагарди, проводили вполне продуманную политику. Как убедительно показал в своей кандидатской диссертации А. Толстиков, если в памфлетах и других сочинениях, адресованных самим шведам, православных изобличали как еретиков, то начиная уже с 1605 г., когда возникла угроза вмешательства поляков в русские дела, шведы постоянно обращались к русским, подчеркивая общность их интересов в борьбе с католиками.¹³ Шведы как бы исходили из идеи близости протестантства и православия, которые могли бы стать союзниками в борьбе с католичеством. Подобные расчеты были связаны с расстановкой политических сил, с заинтересованностью Швеции в союзе с Россией против Польши. Стокгольм пытал серьезные опасения относительно того, что представитель польской династии Ваза Сигизмунд III предъявит претензии на шведский престол и будет пытаться насаждать в Швеции католичество. Швеция боялась усиления Польши за счет России.

Идеи близости православия и протестантства несколько позже, в годы Тридцатилетней войны, если говорить об иерархах православной церкви, разделял константинопольский патриарх Кирилл Лукарис.¹⁴

Вероятно, произносимые Я. Делагарди фразы относительно того, что шведы будут защищать православную веру от неверных, от поляков, также падали на плодотворную почву.

Исидор вместе с кн. И. Н. Одоевским активно включился в жизнь города, подчинившегося шведам. Новгородская администрация проводи-

¹² Наказная память митрополита Исидора, кн. И. Н. Одоевского Н. Милокову, Ф. Бестужеву, подьячому Е. Елизарову. [Без даты] // ГАРФ, КМФ-9, Швеция, 3А-55, № 349.

¹³ Толстиков А. В. Русское православие в политике и политической риторике Швеции (первая половина XVII в.): Дис. ... канд. ист. наук. Рукопись. М., 2002.

¹⁴ Поршнев Б. Ф. Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства. М., 1976. С. 421; Флоря Б. Н. К истории установления политических связей между русским правительством и высшим греческим духовенством (на примере Константинопольской патриархии) // Связи России с народами Балканского полуострова. М., 1990. С. 8–42.

ла ту политику, которую предлагал договор 25 июля 1611 г. Новгородцы безропотно собирали корма для шведских войск.

В то же время религиозные проблемы постоянно всплывали и в повседневной жизни, а рядовым служителям культа, которых также втягивали в происходившие конфликты, как и всем остальным, предстояло выбирать между католиками и протестантами, между поляками и шведами. И здесь священники поневоле руководствовались прагматическими принципами. Еще в марте 1610 г., как раз в момент, когда новгородцы устанавливали контакты с Подмосковным ополчением, новгородской администрацией была сделана попытка выделить землю помещику А. Арцыбашеву. Приказ исходил от дьяков К. Иевлева и С. Самсонова, еще совсем недавно служивших, по всей видимости, И. М. Салтыкову. Вопрос стоял о земле, которая ранее принадлежала И. В. Огибалову. Соответствующее поручение получил Т. С. Парский. Крестьяне помешали Т. С. Парскому отделить землю, его «били и ляляли». Пытавшегося оказать помощь приехавшему отдельщику попа Митрофана хотели посадить в воду (так как речь шла о ранней весне, то, скорее всего, имелась в виду какая-нибудь полынья или прорубь). Волостные люди окольных погостов тоже не поехали делить поместье. Отказался принять участие в делении поместья и поп ближних погостов. В результате землю получили противники поляков.¹⁵

Еще проще, чем для представителей духовенства, вопрос о вере решался для рядовых детей боярских. Для них стоял ребром вопрос о том, обеспечат ли их земли, они не задумываясь подавали челобитные на имя шведского королевича. Сохраняя свои поместья и заново получая землю, они были готовы служить любой власти. Еще во время похода к Москве, в котором они участвовали вместе с кн. М. В. Скопиным-Шуйским (тогда удалось освободить весь Замосковский край, подчинившийся Лжедмитрию II), дети боярские, находясь бок о бок со шведами, которые не соблюдали православные посты, вряд ли испытывали особое раздражение. Фразы о том, что шведы защитят православную веру, падали на плодотворную почву. Приходило подспудное понимание того, что речь идет о борьбе с общими врагами, что Бог — скорее всего, один общий для всех — на стороне войск, одерживающих победы над врагами. Дети боярские, составлявшие верхушку новгородской дворянской корпорации, вместе с митрополитом Исидором и кн. Одоевским делали ставку на шведов. В результате, как указывает И. Тимофеев, новгородцы достаточно лояльно относились к протестантам, подобно тому, как в Москве при Лжедмитрии I проявляли терпимость к католикам: «...на обою ногу храмлюще, времена, душами же возжени и сердца горяку приложением ко Еллинам: паче свояе веры и господи сущих нам от века почгоша ѿ; мнетися, яко отступив в тайне со оними, яко жидовствующе, за скорое суетия обогащения и свояе чести от них».¹⁶

¹⁵ Поместное дело. 18 марта 1610 г. // ГАРФ, КМФ-9, Швеция, ЗА-55, № 177 (186).

¹⁶ Временник Ивана Тимофеева. М.; Л., 1951. Л. 221 (используется пагинация источника).

Несколько человек из русских детей боярских окончательно перешли на службу к шведам, пополнив ряды шведских подданных.¹⁷ При том что русские, остававшиеся в Ингерманландии после заключения Столбовского мира, беспрепятственно могли исповедовать свою религию, те новгородские дворяне, которые сознательно решили принести присягу шведскому королю, по всей видимости, не сталкивались ни с какими конфессиональными проблемами и продолжали оставаться православными.

Тем не менее в Новгороде ущемление прав приходских церковей могло вызвать недовольство местного населения, породить конфликт, который, впрочем, пока не перерастал определенных рамок. В то же время шведы, обещая не трогать церковь, уже в 1613 г. порой действовали весьма неаккуратно даже в тех случаях, когда речь шла о земельных владениях церкви. Об этом мы можем судить на основе сохранившегося поместного дела. В момент передачи части церковных земель во владения помещиков Осина Ерохова и Андрея Ресницына жившие по соседству дворяне всеми силами стремились оградить интересы местного духовенства: «...от их насилства попы не уживают». Если служители культа были поставлены в такие условия, что не могли выполнить своих непосредственных обязанностей, это было нечто совершенно нестижимо для, вероятно, среднего человека XVII в., даже если он был далек от религиозной схоластики, а вместе с тем и от политики, от решения вопроса о власти. Большинство церковь, видимо, воспринималась как нечто совершенно необходимое, безапелляционно вошедшее в повседневную жизнь. Часть жителей окрестных земель, как свидетельствует поместное дело, встала на защиту церкви. В поданной помещиками челобитной говорилось, что многие люди и младенцы умирают без духовного отца. Роженицам не читают молитвы, богомолье проводится без пения. Раньше крестьян обслуживал поп Налютцкого погоста. Теперь земля около храма передана новым хозяевам. Челобитчики просили исправить положение, выделить, видимо, тоже занятые помещиками земли под кладбище, а попу с соборянами — участки под дворы и под огороды.¹⁸ Вместе с тем приведенный источник свидетельствует о возникшем в условиях кризиса чувстве вседозволенности, желании части, скорее всего, оставшихся без земли помещиков решить свои проблемы, ни с чем не считаясь, пренебрегая нуждами собственного прихода.

В то же время в Новгороде продолжали следовать той политике, которую проводило Подмосковное ополчение, речь шла не только о том, что шведы будут защищать новгородцев от врагов, но и о том, что стокгольмский королевич станет русским царем (соответствующий пункт был включен в договор 1611 г.). Митрополит Исидор в силу целого ряда

¹⁷ Линд Д. Х. Ингерманландские «русские бояре» в Швеции: их социальные и генеалогические корни // Историко-родословное общество в Москве. Российский родословный фонд. М., 2000. Вып. 6.

¹⁸ Челобитная Б. Терпигорова, М. Лопухина, Рохмана Корупасова. Март—апрель 1613 г. // ГАРФ, КМФ-9, Швеция, ЗА-55, № 301 (310). Р. Корупасов, если его фамилия точно передана, скорее всего, принадлежал к числу новокрещенных татар, которые были переселены в Новгородскую землю.

обстоятельств, прежде всего в условиях отсутствия в стране твердой центральной власти, считал, что он вправе вместе с кн. И. Н. Одоевским едва ли не вершить судьбу всего государства в целом. Идея возвести на русский престол представителя шведской династии Ваза дополнительно давала новгородскому руководству моральное право заключать договор с Я. Делагарди. Остается неясным, считал ли Исидор шведского королевича, которому, возможно, предстояло вступить на русский престол, представителем «власти от Бога», «богоспасаемым и богохранимым государем». Практически принося присягу все еще остававшемуся абстрактной фигурой королевичу, который, вне всякого сомнения, не принял православия (хотя и предполагалось, что королевич все же сменит веру), митрополит, как и в ситуации возведения на престол Лжедмитрия I, делал шаг, который можно было совершить лишь в условиях кризиса. Уже в период царствования Лжедмитрия I, как отмечает В. Ульяновский, в сознании церковнослужителей должен был произойти перелом, когда они начали воспринимать «еретика и слугу дьявола» как подлинного государя.¹⁹

Часть новгородского духовенства явно поддерживала политику, проводимую митрополитом Исидором и кн. И. Н. Одоевским. Представители новгородской церкви традиционно возглавляли все новгородские дипломатические миссии и в этот период при переговорах указывали на желание новгородцев видеть шведского королевича на московском престоле. Игумен Николы Чудотворца Вяжицкого монастыря Геннадий, с начала до конца остававшийся активным сторонником возведения стокоольмского ставленника на русский трон, вместе с представителями Подмосковного ополчения ездил для ведения соответствующих переговоров с кн. Д. М. Пожарским.

В. Ульяновский совершенно правильно отмечает: «Трудно допустить, чтобы православный человек той эпохи решился на поправку основ веры и богоотступничество ради соблазнов мирской жизни. Вместе с тем, как показывают факты, мы имеем множество примеров компромисса людей Смутного времени с религиозной совестью».²⁰

Часть духовенства вполне сознательно не хотела видеть протестанта или человека, недавно принявшего православие, на московском престоле. Видимо, помимо того что для значительной части церковнослужителей существенную роль играл вопрос о том, действительно ли королевич примет православие, многие были напуганы и самим фактом взятия шведами Новгорода, и применением насилия, к которому с самого начала стали прибегать шведы, собирая корма. В конце 1611 г. в Стокгольм было направлено новгородское посольство во главе с архимандритом Никандром. В состав делегации также вошел игумен Благовещенского монастыря Антоний. К приговору приложили руку всего шесть представителей церкви,²¹ что далеко не соответствовало тому числу служителей

¹⁹ Ульяновский В. Смутное время. С. 211.

²⁰ Там же. С. 298.

²¹ Приговор митрополита Исидора, кн. И.Н.Одоевского, земских чинов. 25 декабря 1611 г. // ДАИ. СПб., 1846. Т. 1. С. 283.

культы, которые в принципе могли поддаться под приговором (при том, что приговор был составлен от лица представителей «всей земли»).

Ортодоксально настроенное духовенство, а также, как мы могли убедиться, дьяк И. Тимофеев откровенно осуждали действия новгородцев, в том числе — в косвенном виде — митрополита Исидора (хотя тот же И. Тимофеев, не имея никакого выбора, был вынужден оставаться на службе у захвативших Новгород шведов). Отдельные представители церкви героически встали на защиту родного города, когда шведы 16 июля 1611 г. начали его осаду (Амос до последней минуты продолжал стоять на стене города). По свежим столам после происшедших событий была написана повесть монаха Варлаама, о чем, как справедливо отмечает С. Ф. Платонов, свидетельствует большое число нашедших отражение в тексте реалий. Судя по всему, Варлаам стал свидетелем вывода из Новгорода войск Подмосковного ополчения, но не сумел, возможно, под влиянием информации, которая поступала от уходивших из города людей, правильно понять, что, собственно, произошло. Варлаам, видимо, решил, что новгородцы сами выгнали В. И. Бутурлина. Монах, которому, согласно повести, во сне явился образ Богородицы, говорил, что она рассматривала этот поступок жителей города как тяжкий грех. Часть духовенства — что вполне могло соответствовать действительности — ушла из города: «Аз же познах Никиту епископа, и Иоанна архиепископа, а прочии же Новгородстии святнии, все же суть посовещаеся, изшли из града вон ис Великии Новгород, предав безбожныя немции грех ради наших». «И речь ми Пречистая Богородица: старче, понде во град и рцы митрополиту, и всему синклиту, и воеводам, и всему Новаграда воинству, да примут все покаяние и готовилися бы к смерти: уже хошет град сей по утрий день предан бысть неверным людем немцам, сваяном Свейские земли».²² Но политическая пассивность русского монашества, отмеченная В. Ульяновским, предопределила пассивную роль духовенства.²³

Тем временем с подачи Я. Делагарди начались переговоры новгородского правительства со Стокгольмом и одновременно с Народным ополчением К. Минина и кн. Д. М. Пожарского о возведении шведского королевича на русский престол.²⁴ С весны 1612 г. шли активная переписка

²² Повесть о видении миху Варлааму в Великом Новгороде // РИБ. СПб., 1925. Т. 13. Стб. 245—248. Памятники древнерусской письменности, относящиеся к Смутному времени. Проанализировавший повесть С. Ф. Платонов, исходя из ее содержания, считает, что новгородцы действительно выгнали из города людей, искавших там пристанища (Платонов С. Ф. Древнерусские сказания и повести о Смутном времени как источник. СПб., 1913. С. 78). Однако обращение к тексту позволяет говорить о том, что на самом деле речь шла об отводе В. И. Бутурлиным подчиненных ему войск — Варлаам слышал голос Богородицы: «Нынче хошет Сын мой предати град сей и людей, понеже бысть некто сне разоримо, и собирашася на него людие от всех стран, еже разорени от нынешних бед и зол и утекающе имо во град сей. Они же их оскорбляше, и поносимоще, и надругающеся им, и досаду им приносяще, и пиюще без престани, и блуд творяще, паче же всего содомний грех непрестанно деяху».

²³ Ульяновский В. Смутное время. С. 220.

²⁴ Дальше излагается материал, который я использовала при написании монографии «Шведская оккупация Новгорода в период Смуты в XVII в.» (в печати), но под определенным углом зрения, с целью проследить, как в России подходили к проблеме принятия

и обмен миссиями новгородцев с Народным ополчением. Пожарский, отправивший в Новгород посольство С. Л. Татищева, включил в состав делегации дворян — представителей значительной части русских городов. Посольство было направлено с целью договориться о выдвижении кандидатуры шведского королевича на русский престол с тем, чтобы противопоставить его претендентам, которых поддерживали казаки, М. Заруцкий.²⁵

В ответ на миссию С. Л. Татищева из Новгорода к Пожарскому поехало посольство в составе игумена Вяжицкого монастыря Николая Чудотворца Геннадия и двух оставшихся в Новгороде после событий июля 1611 г. представителей Подмосковного ополчения: кн. Ф. Т. Черно-Оболенского и С. Отрепьева.

Пожарский, который наверняка знал, что перед ним представители Подмосковного ополчения, выражая желание, чтобы русские объединились, отмечал их намерение избрать царем человека православного вероисповедания, прямо ссылаясь на печальный опыт предшествующего периода. Предводитель Народного ополчения, убежденный в том, что большинство его сторонников без энтузиазма отнесется к идее избрать шведского королевича на русский престол, сам категорически отказывался отправлять посольство в Швецию и, по крайней мере на словах, не хотел возводить на престол человека, не исповедующего православную веру. Черный-Оболенский на это говорил, что королевичу будет дан наказ, в соответствии с которым следует вести дела, что новгородцы по-прежнему исповедуют православие, что предполагаемый царь после приезда в Россию заново крестится (специально подчеркивалось, что это будет именно крещение), если же этого не произойдет, «за истинную веру» «хотим все помереть». Вполне возможно, что Черный-Оболенский в этом случае не исключал возможности того, что новгородцы (или члены остававшегося в городе Подмосковного ополчения) присоединятся к Народному ополчению.²⁶ Во время переговоров их участники неустанно подчеркивали свою готовность бороться «за истинную веру», повторяя уже ставшие привычными формулы. Это было реально важно, так как документ, содержащий протоколы переговоров Пожарского и приехавших к нему новгородских посланников, носил официальный характер и, очевидно, был доступен для довольно широкого числа лиц. (Во всяком случае, соответствующий документ в том виде, в котором он дошел до нашего времени, является копией, т. е. протоколы переговоров, видимо, были скопированы в нескольких экземплярах.) Используемые формулы, скорее всего, были введены в активный оборот во время переговоров после истории с Лжедмитрием I и предпринятой им попыт-

королевичем православия и как новгородцы относились к конфессиональным проблемам после вступления на престол Михаила Романова.

²⁵ Грамота кн. Д. М. Пожарского Я. Делагарди. Списание. Апрель 1612 г. // Действия нижегородской ученой архивной комиссии. Сборник. 1912. Т. 10. № 143. С. 249—250.

²⁶ Речи новгородских посланников игумена Геннадия Николы Чудотворца Вяжицкого монастыря, кн. Ф. Т. Черно-Оболенского. Списание. 26 июля 1612 г. // ААЭ. 1836. Т. 2. № 210. С. 366—369.

ки начать насаждать чуждые русским обычаям. Новгородские посланники подчеркивали, что в Новгороде никто не притесняет православных.

Переписка новгородцев с Народным ополчением продолжалась в течение всей осени 1612 г., когда Объединенное ополчение было занято освобождением Москвы. Я. Делагарди делал все возможное, чтобы еще осенью Карл Филипп был отпущен по крайней мере для переговоров в Выборг.²⁷ Шведский военачальник писал в Стокгольм, что Пожарский, продолжавший бояться, что на престол будет возведен ставленник казаков, доверительно написал, что в Москве не согласны ни на какую другую кандидатуру, кроме Карла Филиппа. Я. Делагарди, обращаясь к вступившему на престол Густаву II Адольфу, отмечал грозящую стране опасность раскола. В том случае, если это произойдет, Пожарский с замосковскими городами и русским севером объединятся и изберут Карла Филиппа великим князем.²⁸

Шведский военачальник, ведя переписку с королем, указывал, что не следует придавать большого значения вопросу о вероисповедании претендента на престол, в России хотят только, чтобы религия и дворянские привилегии оставались неприкосновенными. Не исключено, что в этот момент Делагарди достаточно хорошо понимал состояние общества. Дальше нам остается лишь высказать некоторые не подтвержденные источниками гипотезы, вступив на зыбкую почву предположений. Не исключено, что у «Якова Пунтусовича» была какая-то договоренность с митрополитом Исидором, надеявшимся еще раз повторить тот породивший столь большую неоднозначность обряд с миропомазанием, который был совершен при возведении на престол Лжедмитрия I. В принципе об этом могли договориться и с кн. Д. М. Пожарским.

Кандидатура шведского королевича фигурировала на первом заседании избирательного Земского собора 7 февраля 1613 г. и была поддержана боярами.²⁹ Однако Карл Филипп так и не покинул пределы Стокгольма. Его кандидатура была снята. 21 февраля на московский престол вступил Михаил Романов, казачий ставленник.

Сведения о том, что новоявленный монарх является казацкой креатурой, что его власть ненадежна, к весне достигли Новгорода, при том что православные казаки являлись худшими врагами. Здесь тщательно собирали соответствующие слухи, а Я. Делагарди по-прежнему рассчитывал на приезд стокгольмского претендента.

Однако ставки шведов падали с каждым днем по мере того, как московские войска продвигались на северо-запад. Местное население все чаще поднималось на борьбу, направленную против шведов, которые в

²⁷ *Замятин Г. А.* К истории Земского собора 1613 г. // Труды Воронежского гос. ун-та. Воронеж, 1926. Вып. 3. Педагогический ф-т.

²⁸ Делагарди Я. — Густаву II Адольфу. 23 августа 1612 г. Отрывок // АШБ. Документ II. С. 15. При работе использовался полный текст документа: Делагарди Я. — Густаву II Адольфу. 23 августа 1612 г. // *TÜR KNO. F. 6. A2. 884; Almquist H.* Die Carenwahl des Jahres 1613. Die Schwedische Thronkandidatur und ihre Vorgeschichte // *Zeitschrift für Osteuropäische Geschichte.* 1913. Bd 3. H. 2. P. 188—193.

²⁹ Донссение Г. Брюнно. [Февраль 1613 г.; получено 15 марта 1613 г.] // *Замятин Г. А.* К истории Земского собора 1613 г. Приложение. С. 71—72.

непомерном количестве собирали корма для шведских войск, обрекая местное население на голод. Если дети боярские, несмотря на все увеличивающееся число «измен» — переходов на сторону московских полков, стремились тем или иным способом обеспечить свою судьбу, иную позицию заняла церковь. Церковь по мере того, как пик Смуты оставался позади, вновь начинала придавать большее значение защите православной веры, осознавая, что шведы являются врагами, теперь уже откровенно опустошающими Новгородскую землю; при этом опять возвращалась убежденность в том, что шведы, протестанты, являются врагами и ни в коей мере не могут защитить православных христиан. Митрополит Исидор, которого уже покинуло чувство «временного успокоения», вместе с дьяком Семеном Лутохиным пытался установить контакт с северными русскими землями. 17 марта в Устюжну приехали строители Арсеньевой пустыни Гавриил и староста «Мисайло» (Михаил). С ними новгородский владыка сообщил, что «Яков Пунтусович» направил в русскую столицу и другие города людей, «которых к себе прикормил», для сбора «вестей», т. е. сведений о том, что власть Михаила Романова ненадежна.³⁰

Несколько позже новгородцы также начали осознавать, что на престол вступил православный царь, власть которого на самом деле оказывается более стабильной, чем можно было бы подумать в первый момент. Весной—летом, когда к Тихвину и Гдову подошли московские войска и там началось направленное против шведов восстание, значительная часть гарнизонов этих городов, которая состояла из воевавших на стороне «немцев» новгородцев, перешла на сторону московских войск. Я. Делагарди, а следом за ним и Густав II Адольф рассматривали происшедшие события как нарушение условий договора 25 июля 1611 г.³¹

Взятый в плен тихвинский игумен Онуфрий в сентябре подвергся допросу в Новгороде. До этого Онуфрий сначала подчинился, как и все новгородцы, власти Я. Делагарди, но, когда в Тихвине началось восстание, перешел на сторону восставших, вместе с А. Г. Трусовым и Д. Е. Воейковым ездил в Москву с просьбой прислать подкрепления, потом попал в шведский плен. Игумен «изменил» шведам, встав на защиту православной веры. При этом он, ничего не говоря об отношении русских к кандидатуре Карла Филиппа, с готовностью подтверждал, что Михаила Романова короновали казаки, а бояре не хотят, чтобы «сын Федора» был возведен на русский престол.³²

³⁰ Грамота царя Михаила Федоровича белозерскому воеводе С. Чепчугову. 11 апреля 1613 г. // ДАИ. 1846. Т. 2. С. 4.

³¹ Делагарди Я. — Густаву II Адольфу. 9 июня 1613 г. // TUR KHO. F. 6. A2. 788, 794; Делагарди Я. — Горну Г. 18 июля 1613 г. // Ibid. 799 v; Предложения Густава II Адольфа сословиям. 14 января 1614 г. // Svenska Riksdagsakter jämte andra handlingar, som höra till statsförfatningens historia. 1-a series. Tidevarv 1581—1710. Avdelning 2. Del. 1:1. Stockholm, 1932. Del. I:II. N 106. S. 372.

³² Новости из Москвы. Расспросная речь игумена Тихвинского монастыря. Сентябрь 1613 г. Перевод на нем. яз. // RA. Muscovitica. Vol. 17. 144—144 v.

Тем не менее как раз к этому времени Я. Делагарди удалось добиться отправления Карла Филиппа в Выборг, хотя митрополит Исидор категорически отказался туда ехать. Новгородцы соблюли нормы приличия. Несмотря на то что столичный ставленник исповедовал протестантизм, Густав II Адольф, исходя из того, что ему сообщил Я. Делагарди, писал в грамоте новгородцам, что они, узнав о приезде Карла Филиппа в Выборг, «воздали о том хвалу всеильному Богу и пречистые Богородице и всем святым, и молебны пели с звоном по три дни у Соборной церкви Софее и со слезами Вседержителя Бога о нашем многолетнем здравье, и о счастливом скором путном шествии на Новгородское государство государем и чтоб приняты нам скифетр и владение всего Российского государства».³³

Новгородцы, так как речь шла о возведении шведского королевича на русский престол, впрочем, еще раз попытались связаться с Москвой, куда было направлено посольство игумена Дионисия. Однако в целом они очень неоднозначно относились к идее переговоров в Выборге. Я. Делагарди, судя по всему, лишь потому, что новгородцы находились под страхом, что их заставят принести присягу Густаву II Адольфу, удалось снарядить новгородское посольство. В соответствии с новгородской традицией посольство возглавлял архимандрит Киприан, человек с очень неоднозначной репутацией, в дальнейшем поехавший в Москву, чтобы договориться о том, чтобы новгородцам простили их вины и приняли «под государеву руку». К приговору посольству вновь приложили руку лишь несколько представителей духовенства. В Выборге новгородцы просили, чтобы Карл Филипп возглавил Новгородское государство, чего совершенно не хотели шведы. Когда новгородских послов спросили, как это государство будет защищаться, возник вопрос о присутствии в городе шведских войск. Входивший в состав делегации дьяк Третьяк Мелентьев сказал, что если шведы придут в город, то потом они оттуда не уйдут. Шведские послы предлагали новгородцам подчиниться на условиях договора 25 июля 1611 г. непосредственно Густаву II Адольфу, однако новгородцы отказались.³⁴

Новгородцам не удалось ни о чем договориться. Г. Горн, который возглавлял шведскую делегацию, направляя письма Делагарди, вновь повторял прежние формулировки относительно русского варварства. Он продолжал настаивать на том, что православная религия, русские законы, язык сильно отличаются от шведских. Варварство порождает упорство этой нации. Новгородцы, с точки зрения Горна, слишком долго находились под властью русских, они отягчены собственным бременем, к которому они привыкли.³⁵ На самом деле, хотя в этих словах была своя доля истины, после восстания Гдова и Тихвина шведы вели себя на

³³ Грамота Карла Филиппа митрополиту Исидору, кн. И. Н. Большому Одоевскому, земским чинам. 7 августа 1613 г. Прислана 20 августа 1613 г. // ДАИ. 1846. Т. 2. № 5. С. 10.

³⁴ *Форстен Г. В.* Политика Швеции в смутное время // ЖМНП. 1889. Октябрь. С. 66—81; Протоколы переговоров посольства Г. Горна, А. Тённессона в Выборг. Протокол 9 сентября 1613 г. // RA. Muscovitica. Vol. 17. 37—48 в.

³⁵ Горн Г. — Делагарди Я. 28 ноября 1613 г. // ТУР КНО. Ф. 6. А2. 669.

территории новгородских земель как враги на оккупированной территории. Попытка возвести шведского королевича на русский престол провалилась уже в начале 1613 г. Дальнейшее развитие событий продемонстрировало, что, с одной стороны, Новгород все же стал частью Русского централизованного государства и новгородцы в основном хотели выиграть время, дожидаясь урегулирования отношений России и Швеции. С другой стороны, шведы в силу ряда причин не шли на создание существующего во главе с представителем династии Ваза самостоятельного Новгородского государства, за что ратовали новгородцы, стремясь уберечь город от полного разграбления и в то же время не принести присяги Густаву II Адольфу.

Новгородское посольство не торопилось с возвращением в Новгород, все еще надеясь уговорить отправить туда Карла Филиппа.

Тем временем Новгородская земля безудержно опустошалась шведами. По требованию «Якова Пунтусовича», который под предлогом сбора кормов брал все, что было можно взять, новгородцы уже сорвали серебро с ликов своих святых, о чем впоследствии они неоднократно вспоминали.³⁶ Практически было совершено святотатство, на которое мирные жители могли пойти только в экстремальных условиях. Достаточно трудно себе представить, что это делалось в обстановке, когда новгородцы были полностью поглощены задачей отбиться от казаков. Большинству становилось очевидным, что речь шла о применении шведами насилия по отношению к жителям города, думавшим только о том, как остаться в живых; подобные действия шведов, которые раньше довольно умело прикрывались интересами защиты христианской веры, теперь выглядели как применение ничем не оправданной жестокости, новгородцы должны были спасаться от «защитников», а вовсе не от угрожавших городу казаков.

В начале 1614 г. русские войска, отправленные к Новгороду и подошедшие к Бронницам, установили контакты с новгородцами, получив информацию, что шведы не уйдут из Новгорода, не подвергнув город полному опустошению.³⁷ К лету войска, посланные из столицы, практически прекратили свое существование. Московское правительство отказывалось вступать в переговоры со шведами, пока шведы не покинут Новгород.³⁸ Новгородская земля, которую раздирали на части шведы, польские казаки – казаки из Запорожской сечи, поступавшие на службу то к русским, то к шведам, донские казаки, была полностью разорена. Согласно донесению Я. Деллагарди в Стокгольм, монахи, возможно, оказавшись перед угрозой голодной смерти, покинули и разорили монастырь (неясно, какой именно монастырь имелся в виду) и могли

³⁶ Послание Густава II Адольфа новгородцам. [Без даты; 1614 г.] // РГАДА, ф. 96, 1614 г., № 1, л. 119–125.

³⁷ Расспросная речь Т. Арсона. 23 марта 1614 г. // РГАДА, ф. 210 — Разрядный приказ. Московский стол, оп. 17, № 8, столник 2, л. 55–56, 60, 69.

³⁸ Деллагарди Я. — Густаву II Адольфу. 9 июня 1614 г. // RA. *Scrivelser till Gustav II Adolf. Del. II. Brev från myndigheter. A. Rakninge kammeren.* 29—31; Деллагарди Я. — Густаву II Адольфу. 28 июня 1614 г. // *Ibid.* 33—33 v.

причинить беспокойство.³⁹ В августе 1614 г. посольство из Выборга возвратилось в Новгород.

1 сентября 1614 г., после того как Э. Горн попытался привести новгородцев к присяге Густаву II Адольфу, новгородцы предъявили обвинения шведам. На этом этапе православное христианство, несмотря на продолжавшийся социальный конфликт, во все большей мере выступало в роли цементирующего начала. Если на первом этапе новгородцы надеялись, что шведы принесут их земле мир и покой, то теперь оказалось, что обители и церкви разорены и разграблены, святые иконы «опоруганы» и расколоты, сожжены. «Немцы» «выметали» мощи из святых гробов. Колокола вывезли в Швецию. На Софийской стороне шведы разобрали на дрова деревянные церкви.⁴⁰ (Картина разорения церковей нашла отражение и в описи Новгорода, составленной в 1617 г.: «Да в Земляном же городе церковь каменная Нерукотворенный образ, церковь каменная архангел Гаврил, церковь Каменная Иван Предотеца. А церковное строенье в прошлом во 122-м году в пожар згорело, а колокола немецкие люди рознесли».)⁴¹

После сделанных шведами безуспешных попыток привести новгородцев к крестоцелованию Густаву II Адольфу шведы были вынуждены разрешить новгородцам снарядить в начале 1615 г. посольство в Москву. Посольство получило тайный приговор. Если к приговорам посольствам в Стокгольм и Выборг прилагали руку лишь единичные представители церкви, то теперь почти все подписи принадлежали служителям культа. В Москве царь простил новгородцам их вины.

Однако, когда Киприан возвратился в Новгород, он, испугавшись преследований, стал говорить, что в Москве «в боярех рознь». Киприан продал своего спутника, боярского сына Я. М. Боборыкина, стойко боровшегося против шведов и принесшего в Москве присягу Михаилу Романову.⁴² Часть новгородцев была готова принести присягу шведскому королю, когда услышала, что их освободят от налогов. Для этой категории людей конфессиональные проблемы по-прежнему не играли существенной роли, они думали о том, кто реально может им обеспечить условия существования. Однако начавшиеся русско-шведские переговоры принесли мир. Новгород был возвращен России.

В Новгороде, жители которого после заключения в 1617 г. почувствовали себя жителями православного государства, теперь могли только жаловаться на жестокость шведов, в конечном счете подвергнувших город беспощадному разграблению. Наблюдался всплеск антипротес-

³⁹ Делгарди Я. — Оксеншерне А. [13 марта 1614 г.] // ТУР КНО. Ф. 6. А2. 553—558 в.

⁴⁰ Ответ новгородского митрополита Исидора, кн. И. Н. Одоевского, земских чинов Э. Горна. [Без даты; 1614 г.]. Черновой (второй) вариант // ДАИ. Т. 2. № 32. С. 57—63; Ответ... Черновой (первый) вариант // RA. Muscovitica. Vol. 18.

⁴¹ Опись Новгорода 1617 года. М., 1984. Ч. 1. Л. 109 (используется пагинация источника).

⁴² Отписка С. Коробьина, П. Обернибскова, И. Шевырева царю. 11 мая 1615 г. Отправление на съезд С. Коробьина, П. Обернибскова, И. Шевырева. 1615 г. // РГАДА, ф. 96, оп. 1, 1615 г., № 3, л. 126—127.

тантской пропаганды. В 10-е гг. XVII в. (неясно, до или после того, как город был освобожден) новгородцы пытались осмыслить пережитое. В Новгороде была переведена «Книга и образех»: ее авторы подвергали критике идеи протестантов о несоответствии христианской обрядности и смысла христианского учения постов, доказывалось, что таинства и обрядная практика — ступени внутреннего очищения перед соединением с Божеством. Книгу перевел новгородский священник Стефан, которого Т. А. Опарина предположительно отождествляет со Степаном Горчаком (раньше перевод приписывался Стефану Воильфатьевичу). До нашего времени дошел комплекс двух острожских изданий от 10-х гг. XVII в. с владельческой надписью «книга игумена Ильи новгородца».⁴³ Трудно сказать, когда были сделаны переводы этих антипротестантских текстов: до или после освобождения Новгорода. Скорее они относятся ко времени после того, как новгородцы покинули город.

В целом митрополит Исидор и еще несколько человек, вопреки сложившимся в Русском государстве традициям, в 1611—1612 гг. активно выступали за возведение шведского королевича на московский престол. Более того, практически допускалось, что стокгольмский претендент не будет заново креститься. Но основная масса церковников оставалась в стороне от возникшего конфликта, хотя несколько человек, и в первую очередь архимандрит Кириил, возглавили посольства, которые вели переговоры об избрании шведского королевича на русский престол. В целом в политике возобладал прагматический принцип, новгородцы поверили в возможность возведения шведского королевича на русский престол. Основная масса духовенства осталась в стороне от политики, и лишь с вступлением на московский престол Михаила Романова, когда Исидору, судя по всему, приходилось лавировать между сторонниками и противниками Швеции, церковь в той или иной форме стала выражать протест против происходящих событий, в том числе собрала подписи под грамотой, которая была направлена в Москву в начале 1615 г.

* * *

Очередная попытка возвести на престол представителя иностранной державы провалилась: шведский королевич не приехал. В свою очередь шведы воспользовались ситуацией, чтобы разграбить Новгородскую землю, а при переговорах добиться заключения мира на более выгодных условиях.

Помимо конкретных обстоятельств избранию иностранца русским царем препятствовала ситуация в целом. Россия являлась православной державой, которая в XVI в. выступила на международной арене в качестве преемницы Константинополя, провозгласив теорию «Москва — третий Рим». Несомненно, царем мог стать только православный христианин. Царь приобретал особый статус помазанника Божьего.⁴⁴ Даже во время Смуты, с вступлением на престол Лжедмитрия I, который, как считает В. Ульяновский, являлся православным, в лице этого новояв-

⁴³ Опарина Т. А. Иван Наседка и полемическое богословие... С. 79, 82, 83, 330—331.

⁴⁴ Успенский Б. А. Царь и патриарх... С. 195.

ленного царя теория «Москва — третий Рим» нашла своих новых последователей.⁴⁵

Русское общество не было готово идти на существенные перемены, связанные с вступлением на престол иноземца, настроения самых разных социальных слоев оставались достаточно консервативными. Никто не думал о становившемся необходимым отказе от традиционной русской идеологии. Вместе с тем решение избрать самодержцем иностранца даже при соблюдении условия, что возводимый на престол монарх примет православие, вовсе не означало, что он станет приверженцем идеологии «Москва — третий Рим».

Коронование иностранца, скорее всего, должно было положить начало вестернизации страны, ее приобщению к западноевропейскому миру. Об этом свидетельствовала история с вступлением на престол Лжедмитрия I. Он, хотя и являлся, скорее всего, представителем православного христианства, вел себя, не считаясь с традиционными русскими порядками. Практически даже деятельность Лжедмитрия I, как справедливо отмечает В. Ульяновский, в какой-то мере, если говорить об отношении самозванца к русской традиции, напоминала деятельность Петра I.⁴⁶ Когда речь шла о Лжедмитрии I, русские не выдержали этого, вопрос о низложении самозванца был решен, вскоре последовала трагическая развязка.⁴⁷

Конечно же, в условиях Смуты отношение русского общества к католичеством и протестантству менялось. Об этом свидетельствует и все же первоначально данное Лжедмитрию I разрешение на свадьбу, и появление таких фигур, как кн. И. А. Хворостинин, которого впоследствии обвиняли в принятии католичества, и письмо Я. Делагарди относительно того, что русские готовы принять Карла Филиппа на русский престол, даже если королевич не примет православия.

Однако во время Смуты XVII в. в условиях начавшейся гражданской войны люди, шедшие по пути заключения договоров о возведении поляка или шведа на русский престол, вряд ли вполне отдавали себе отчет в том, к каким последствиям это может привести в дальнейшем. В основном политики и церковные иерархи руководствовались решением политических задач и вполне прозаическими целями. Правда, в тексты заключаемых договоров, увидевших свет уже после свержения Лжедмитрия I, неизменно включались пункты о сохранении православия и незыблемости существующих порядков. Но, по-видимому, практически проблемы, которые реально могли возникнуть, игнорировались, никто не думал о том, что история с Лжедмитрием I может повториться. Ни поляки, ни шведы не торопились выполнять условия заключенных договоров. На престол вступил православный царь. По мере того как Смута уходила в прошлое, православие усиливало свои позиции. Кризис, охвативший в том числе и церковь и в то же время позволивший определенную либерализацию, остался позади. Вместе с тем Филарет, стре-

⁴⁵ Ульяновский В. Смутное время. С. 336.

⁴⁶ Там же. С. 55—106.

⁴⁷ Успенский Б. А. Царь и патриарх... С. 195—196.

мь преодолеть возникшее в период Смуты разномыслие, принимал жесткие, порой не вполне оправданные меры против находившихся или заново приезжающих в страну протестантов и католиков. Иностранцев, как и в старые времена, ожидал далеко не самый ласковый прием, а их контакты с православными по мере возможности ограничивались.